

# СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

## ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Признание Михаилу Андриеевичу Глузскому принесли работы в кино и на телевидении. И если на большом экране мы привыкли видеть в нем прежде всего драматического артиста, то телевидение раскрыло в полной мере и иные его исполнительские возможности. И потому первый вопрос, с которым обратился наш корреспондент А. Лукьянов к артисту, был таким:

— Какие телевизионные жанры вам особенно близки?

— Наверное, те, которые позволяют полнее выразить себя. Впрочем, я не берусь это утверждать со всей категоричностью, ибо телевидение таит в себе столько возможностей, что от него всегда можно ожидать какого-нибудь творческого сюрприза. Однажды режиссер А. Габрилович пригласил меня сниматься в документальном фильме. Мне предстояло выступить не в качестве артиста, а человека, имеющего достаточно большой стаж семейной жизни. Речь шла о проблемах семьи. И вот, наблюдая за тем, как телевидение, вторгаясь в подлинную реальность, раскрывает самую суть конкретной личности, я влюбился в документальное кино. Тогда этот жанр был для меня самым близким.

За тридцать лет моего творческого сотрудничества с телевидением оно не однажды помогало мне по-новому взглянуть и на свои исполнительские возможности. Например, до знакомства с Главной редакцией научно-популярных и учебных программ я никогда не пробовал свои силы в литературном чтении. Мне казалось, что это закрытая для многих артистов область искусства. Но вот однажды получаю предложение прочитать рассказ Андрея Платонова «В прекрасном и яростном мире». Причем в моем распоряжении оказалось целых тридцать пять минут экранного времени. Ни кинематограф, ни театр в силу своей специфики отличиться такой «щедростью» не могут. Правда, взамен телевидение требует немало.

Готовясь к передаче, я заново открыл для себя А. Платонова. И потом все тридцать пять минут в эфире старался не просто донести содержание рассказа, но и заставить зрителя по-настоящему заинтересоваться всем творчеством писателя.

Телевидение сделало меня пропагандистом поэзии А. Твардовского, А. Межирова, С. Щипачева, Р. Гамзатова, К. Кулиева, Н. Заболоцкого. Работа над передачами, посвященными этим замечательным поэтам, я испытывал чувство творческого удовлетворения и огромную ответственность.

Кстати, об ответственности. В мае прошлого года в «Советской культуре» была опубликована статья режиссера Ленинградского телевидения А. Велинского, где рассуждал о набравших проблемах, автор писал, что некоторые актеры порой приходят на съемку совершенно

Михаил Глузский,  
народный артист СССР:

## Если РАЗДВИНУТЬ ЭКРАН

*«Могу с полным основанием дать совет молодым артистам, приглашенным участвовать в телепередаче: пришло ваше величайшее творческое испытание. Приложите все силы, чтобы выдержать его достойно.»*

неподготовленными. Они плохо знают текст, проглядывают его на ходу в надежде, что техника телевидения спасет, вывезет. Можно, конечно, держать текст где-то в стороне так, чтобы он не попадал в поле зрения телекамеры, но я убежден, что никакая попытка обмануть зрителя в конечном счете не может быть успешной. Телезрители видят глаза актера. И они говорят обо всем. И если глаза человека, сидящего перед телекамерой, ищут шпаргалку, на экране это будет видно, как под микроскопом.

У меня, к сожалению, есть «опыт» такого литературного чтения. «Горела» передача, меня уговорили, дали книгу в руки, скомандовали: «Съемка!» — и я начал читать. Все это сопровождалось изобразительными заставками. На протяжении всего действия я мечтал лишь о том, чтобы скорее окончилась передача. До сих пор помню это состояние и испытываю чувство стыда. Теперь могу с полным основанием дать совет молодым артистам, получившим приглашение участвовать в телепередаче: «Пришло величайшее ваше творческое испытание, приложите все силы, чтобы его выдержать достойно».

Большую симпатию я испытываю и к детским передачам. Несколько раз доводилось «играть» в «Будильнике». Те взрослые люди, кто смотрит эту программу, согласятся со мной, что многие выпуски делаются на самом высоком профессиональном уровне. В них есть и познавательность, и хороший юмор, и доброта. Нехотые свои роли из «Будильника» я готов играть снова и снова. Но оказалось, что не всем зрителям это по душе. Судя по письмам, некоторые из них удивлены, что «такой серьезный артист» ведет себя на экране столь несолодино. Они привыкли видеть меня в одном амплуа. Но вряд ли кому из артистов интересно в разных постановках играть одно и то же. У меня был в жизни период, когда никто не хотел меня воспринимать иным, чем в виде отрицательного героя. Это длилось более десяти лет. За это время

была создана целая галерея весьма несимпатичных персонажей. Вспомните мои роли в «Тихом Доне», в «Тайне двух океанов», в «Любях губок», в «Последнем дюйме». Так было в кино. Но, между прочим, именно в тот же период я снимался на телевидении в фильмах «Дожди» и «Дуэль», где играл положительных героев. Не знаю, чем это объяснить, но телевизионная режиссура разглядела во мне разноплановость значительно раньше, чем кинематографическая.

Многие телевизионные жанры по-настоящему близки мне, ибо одни из них дают возможность попробовать себя на каком-то новом исполнительском поприще, в самой полной мере выразить свое творческое кредо, другие — сыграть те роли, которые в силу различных обстоятельств не удалось получить ни в кино, ни в театре. Но, конечно же, ближе других жанров для киноартиста — художественный телевизионный фильм. С особой теплотой я вспоминаю работу над картинами: «Рассказ о простой вещи», «Почти смешная история», «Никудышная», «Месяц долгих дней», «Соль земли».

Новые возможности открываются перед артистом в многосерийных фильмах. Как правило, это экранизация литературных произведений, благодаря чему книга становится достоянием самой широкой аудитории. Более того, хороший телефильм очень часто заставляет обратиться к литературному первоисточнику, обращает зрителя в читателя, способствует всестороннему развитию личности. И многое здесь зависит именно от артиста, который может, исследовав характер своего героя, показать его в развитии, в процессе формирования, что очень трудно, а порой и просто невозможно сделать за небольшой промежуток времени, предоставляемый кинематографом. Здесь-то и нужно, наверное, искать ответ на традиционный вопрос: с чем состоит специфика актерской работы на телевидении? Иногда ТВ позволяет несколько лет жить в образе своего героя. Ведь десятисерийную картину за од-

но лето не снимешь. А пребывание в одном образе столь длительный период — совершенно новая грань актерского мастерства.

— Что вы можете рассказать о себе как о телезрителе?

— У меня в Киеве есть родственники. Помню, как раньше, когда у них не было телевизора, приезжая к ним погостить, мы вели оживленные беседы, вспоминали былые, делились впечатлениями. Теперь наши отношения резко изменились. Телевизор, к моему великому сожалению, стал соучастником наших бесед. Все разговоры постоянно перебиваются репликами вроде: «...Посмотрите, вот этот актер недавно играл в таком-то фильме...» Мы должны посмотреть и лишь потом продолжить беседу. В итоге и поговорить не поговорили, и передачу не посмотрели.

Наверное, самый опасный телезритель тот, который смотрит все. Я бы добавил — самый опасный телезритель тот, который смотрит все урывками, а затем делает какие-либо выводы.

Впрочем, все мы сетуем на то, что телевидение мешает общению, отнимает уйму времени, но без него жизнь уже немислима. Выход один — учиться смотреть телевизионные передачи. Я стараюсь не пропускать публицистические, информационные выпуски, программы с участием интересных людей. А иногда хочется просто отдохнуть возле телевизора. Тогда приятно посмотреть развлекательную передачу. Например, об оперетте. Помню, как раньше об оперетте рассказывал с телеэкрана Григорий Маркович Ярон. Он говорил об этом искусстве с упоением, внося каждый раз какую-то свежую струю. Сейчас же, к сожалению, передачи такого рода мало чем отличаются от рядового концерта.

Кстати, к концертным передачам тоже есть претензии. Я думаю, ни для кого не секрет, что прямых передач сейчас практически нет, все идет в видеозаписи. И меня как зрителя всегда огорчает, когда вижу орехи в артикуляции у артистов, юющих под фонограмму. Часто в момент их выступления в студии присутствуют зрители. И вот обратите внимание: как правило, певцы почти не имеют с ними никакого контакта. Артисты «работают» на камеру, стоя спиной к зрителю. А тот, в свою очередь, перестает интересоваться артистом. Мне кажется, что зрители, сидящие в павильоне, должны быть как бы рядом со мной, сидящим перед телевизором дома. Если раздвинуть экран, то получится, что артист видит всех нас и может время от времени установить контакт с каждым.

— Последний вопрос: в какой новой работе мы увидим вас на телеэкране?

— В многосерийном телефильме «ТАСС уполномочен заявить» по книге ЮлIANA Семенова. Хочется, чтобы картина понравилась зрителям.